

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

В. А. МАРТЫНОВ

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ АФРИКАНЦЕВ БЕЛЬГИЙСКОГО КОНГО

Первые дни 1959 г. ознаменовались в бельгийской колонии Конго стихийными выступлениями народных масс против колониального режима и жестокой расправой колонизаторов с безоружным населением. Для многих людей на Западе, которые верили басням империалистической пропаганды о «процветании» Конго и об идиллических отношениях между бельгийскими колонизаторами и африканцами, кровавые события в административном центре колонии Леопольдвиле и других пунктах оказались подобными грому среди ясного неба. В действительности в этих событиях нет ничего неожиданного, они явились закономерным результатом многолетнего хозяйничания бельгийского империализма в Конго. Колониальный режим принес конголезцам безмерные страдания, обрек их на ужасающую нищету и унижительное бесправие. В течение многих десятилетий иностранные монополии, господствующие в экономике Конго, расхищали богатейшие природные ресурсы страны и извлекали баснословно высокие прибыли за счет бесчеловечной эксплуатации коренного населения. Понятно, что конголезцы не могли остаться в стороне от развернувшегося после второй мировой войны в странах Азии и Африки национально-освободительного движения, под могучим натиском которого рухнет позорная колониальная система империализма. Народ Конго поднялся на борьбу за освобождение от оков колониализма, за восстановление своих погрязших человеческих прав.

В Бельгийском Конго более 13 млн. жителей. Около 75% населения колонии проживает в сельскохозяйственных районах, где еще в значительной степени сохранились натуральное хозяйство и докапиталистические отношения. Большинство сельского населения живет поныне патриархальными семьями, общинами и племенами. В результате значительного развития горнодобывающей промышленности, плантационного хозяйства и других отраслей экономики, связанных с производством и вывозом экспортных продуктов, в Бельгийском Конго насчитывается наибольшее среди стран Центральной Африки число коренных жителей, работающих по найму: 1198 тыс. чел. в 1956 г.

* *

*

В условиях колониального режима процветают самые варварские формы эксплуатации и угнетения широких масс населения. Колонизаторы, воздерживаясь от всестороннего развития производительных сил страны, используют все средства для извлечения максимальных прибылей и

ограбления поработенных народов. История Бельгийского Конго убедительно свидетельствует, что колониальный режим представляет собой одну из самых несправедливых и враждебных народам систем отношений между странами. В обстановке полного произвола и безнаказанности колонизаторов поработенным народам угрожает физическое вырождение и истребление. Хозяиничание бельгийского империализма в бассейне Конго привело к полному исчезновению с этнической карты целых племен и народностей, к обезлюдению многочисленных районов, к резкому ухудшению условий жизни африканцев. Многие исследователи признают, что за первые десятилетия колонизации население страны сократилось примерно наполовину. По данным, использованным в работах В. И. Ленина, на захваченной Бельгией территории к 1884 г. проживало 30 млн африканцев, к началу XX в. их численность сократилась до 19 млн, а к 1914 г.— до 15 млн чел.¹ Только потребность в рабочей силе побудила колонизаторов принять некоторые меры для предотвращения полного вымирания аборигенов Конго.

Империалистическая пропаганда всячески старается провести резкую грань между прошлым и настоящим колониальных стран, объявляя о наступлении «новой эры» в отношениях между метрополиями и колониями. В действительности современное положение в странах, остающихся в колониальной зависимости, неразрывно связано с их трагической историей и ею обусловлено. При всех социально-экономических изменениях в колониях, их отношения с развитыми империалистическими державами остаются в такой же мере неравноправными, как прежде, а их развитие базируется на принципиально тех же основах, что и в период первоначального ограбления колоний. Народы этих стран и поныне подвергаются бесчеловечной эксплуатации, тираническому гнету, страдают от нищеты, голода, болезней, пребывают в бескультурье и невежестве. Неизменные проявления колониального режима в полной мере присущи Бельгийскому Конго, которое империалистическая пропаганда рекламирует как «образцовую колонию».

В особенно бесправном и бедственном положении находятся многомиллионные массы забитого и нищего крестьянства. В сельском хозяйстве развитие капитализма происходит в наиболее мучительных формах, сочетаясь с консервацией феодальных и родоплеменных отношений. Африканский земледелец, вооруженный примитивными орудиями производства и с большим трудом добывающий себе средства пропитания, подвергается хищнической эксплуатации со стороны частнокапиталистических компаний, колониальной администрации, а также родоплеменных и феодальных правителей.

В Бельгийском Конго в силу своеобразных условий колонизации европейцы господствуют в сельском хозяйстве как в сфере товарного производства, так и в сфере обращения. Исключение составляет выращивание хлопчатника и некоторых других сельскохозяйственных культур. В настоящее время около 800 тыс. африканцев, т. е. 20% взрослых мужчин и их семьи, получают денежный доход от производства хлопка-сырца в своих хозяйствах. Кроме того, африканцы поставляют свыше половины товарных продуктов масличной пальмы, а также некоторую часть производимого ими продовольствия. В целом удельный вес малопродуктивных предприятий и хозяйств африканцев в товарном сельскохозяйственном производстве составляет лишь около 50%.

Эксплуатация крестьян-отходников в сфере производства и выколачивание сверхприбылей за счет предельно низкой оплаты каторжного труда плантационных рабочих дополняется ограблением конголезского крестьянства в сфере обращения путем искусственного разрыва между

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 243; е го же, Тетради по империализму, М., 1939, стр. 248.

ценами на промышленные товары, производимые в значительной части вне колонии, и ценами на скупаемое сельскохозяйственное сырье. Этот разрыв имеет тенденцию к увеличению, в результате чего крестьяне получают в обмен на поставляемые ими продукты все меньше товаров. По мере освоения монополиями рынка колонии неэквивалентность товарного обмена усиливается: растет объем и ценность выкачиваемого из колонии сырья, неуклонно снижается стоимость единицы продукции. Такая политика обеспечивает колониальным компаниям непрерывный рост прибылей. Монопольное положение этих компаний на рынке колонии позволяет им диктовать политику цен, не боясь конкуренции.

Пример конголезских крестьян, занятых выращиванием хлопка, ясно показывает невыносимо тяжелое положение тружеников в мелкотоварных хозяйствах, к которым присосались, как пиявки, всевозможные компании, перекупщики и посредники. Хлопкоробы Конго — жертвы бесстыдного грабежа и обмана, в результате которого за свой изнурительный труд они получают жалкие гроши, малую часть действительной стоимости производимой продукции. В 1952 г. за выращенные 158,3 тыс. т хлопка-сырца 826 тыс. хлопкоробов Бельгийского Конго получили 675,1 млн фр. при общей стоимости продукции в 2464,2 млн фр.² Таким образом, в среднем 1 кг хлопка оценивался в 15 франков, тогда как непосредственный производитель получал за него только 4 франка. Сбор урожая на каждого хлопкороба составил в среднем менее 200 кг, за которые уплачивалось около 800 франков. Из этой суммы около 10% уходило на уплату подушного налога, а часть остальной выручки поглощалась налогами и поборами местных властей. Оставшаяся жалкая сумма составляла основной денежный доход конголезца и его семье.

Основные доходы от продажи хлопка присваивали хлопкоперерабатывающие компании, располагавшие в Конго 2550 закупочными пунктами и 120 хлопкоочистительными предприятиями. В ограблении конголезцев успешно конкурировала с компаниями местная администрация. Помимо обычных налогов и пошлин, с каждого килограмма хлопкового волокна взималось 0,5 франка в 1946 г. и 0,8 франка в 1952 г. на строительство дорог в хлопковых районах, хотя совершенно очевидно, что такие работы должны проводиться за счет бюджетных средств. Кроме того, в Бельгийском Конго уже давно существует так называемая резервная касса, актив которой в середине 1955 г. достиг огромной суммы — 1308 млн франков. Средства этой кассы образуются за счет ежегодных отчислений с производителей, якобы с целью избавить их от влияния колебаний цен на хлопок на мировом рынке. В действительности резервная касса предназначена служить дополнительным средством ограбления крестьян, ее актив полностью контролируется администрацией и используется зачастую для финансирования различных мероприятий, не имеющих никакого отношения к улучшению условий жизни и труда хлопкоробов. Разумеется, их согласия на это не спрашивают.

Ограблению крестьян при помощи механизма неэквивалентного обмена способствуют монопольное положение компаний в пределах определенных сельскохозяйственных районов и экономическая разобщенность этих районов. В результате слабого развития транспорта и внутренних экономических связей сообщение между отдельными районами, даже при небольших дистанциях, нередко труднее и дороже, чем их связь с портами вывоза, расположенными за сотни и тысячи километров. Монополизация рынков позволяет компаниям скупать за бесценок сельскохозяйственную продукцию, которая затем перепродается втридорога в городах или за пределами колонии, а также беспредельно вздувать цены на промышленные товары, сбываемые в сельских местностях. В результате монопольного хозяйничанья компаний в различных районах

² «Bulletin agricole du Congo Belge», Bruxelles, 1954, № 4, стр. 907.

создается большая разница цен на сельскохозяйственные продукты, о чем свидетельствует пример нескольких городов в провинции Леопольдвиле

Стоимость продовольственных товаров в отдельных пунктах провинции Леопольдвиле в конце 1955 г.³
(франков за 1 кг)

	Ошве	Бома	Мадимба	Леопольдвиле
Рис	—	7,50	8,00	40,00
Свежая рыба	6,50	—	20,00	23,73
Вяленая рыба	10,00	14,00	20,00	34,55
Фасоль белая	10,00	11,00	10,00	13,00
Шикванга	0,90	1,50	2,00	3,31
Пальмовое масло (бутыль $\frac{3}{4}$ л)	8,00	9,00	8,00	13,05
Соль	4,00	3,00	3,00	6,81
Арахис	4,50	—	7,50	16,08
Фрукты	1,00	—	2,00	4,50
Мясо	6,00	—	40,00	50,00
Овощи	1,50	2,25	8,00	10,86

Как видно из приведенных данных, наивысшего уровня цены на продовольствие достигают в городе Леопольдвиле, где стоимость продуктов дороже, чем в Ошве (500 км восточнее) в 3—8 раз. Понятно, что такое ненормальное положение способствует грабежу со стороны компаний, перекупщиков и спекулянтов, безжалостно обирающих как тружеников деревни, так и трудящихся городов и промышленных центров. Экономическая изолированность отдельных районов страны приводит к тому, что нередко в одном районе население голодает, тогда как в другом районе, иногда близко расположенном, обильный урожай гнивает на корню из-за недостатка рабочих рук и невозможности вывезти продукцию.

В современных условиях эксплуатация малопроизводительных мелких товарных хозяйств африканцев в рамках общины уже не удовлетворяет монополистические компании. В угоду им колониальные власти перешли в последние годы к политике организации кооперативов и насаждения так называемых пейзанатов, т. е. поселений с индивидуальными хозяйствами, которые регламентируются и контролируются представителями администрации. Конголезские кооперативы и «пейзанаты» — типичные колониальные формы подчинения сельского хозяйства капиталистической эксплуатации. С одной стороны, сельскохозяйственное производство организуется на капиталистических началах, ликвидируются остатки натурального хозяйства, и общинный крестьянин уподобляется в какой-то степени фермеру, работающему для рынка. Но с другой стороны конголезский крестьянин получает землю не в собственность, а только в пользование и лишается всякой самостоятельности, так как вместе с капиталистическим предпринимательством действуют принуждение и диктат колониальной администрации, выполняющей волю монополистических компаний.

В условиях колонии кооперирование и переселение крестьян в «пейзанаты» представляют собой чисто административные мероприятия, а не формы организации производительных сил на базе сложившихся производственных отношений. В этих мероприятиях проявляется только произвол господствующего меньшинства — европейских колонизаторов и их стремление усилить эксплуатацию угнетенного и бесправного большинства — крестьян Конго. Фактически конголезцев насильственно объединяют в своеобразные резерваты, которые им запрещено покидать и где они трудятся под строгим контролем администрации. Крестьяне подни-

³ F. Bézy, Problèmes structurels de l'économie congolaise, Louvain, 1957, стр. 177.

няются директивам свыше, которые регламентируют всю их деятельность, вплоть до чередования севооборотов, ассортимента выращиваемых культур, норм выработки и т. д. Крестьяне не имеют также никакого влияния на решение общих дел кооператива или «пейзаната». Их удел — только изнурительный труд за нищенское вознаграждение. Выращенный ими урожай поступает в распоряжение администрации, которая контролирует сбыт продуктов, распределение доходов и распоряжается всеми кооперативными средствами. Переселение в «пейзанаты» позволяет попутно произвести учет наличных земель и освободить лучшие участки для европейской колонизации.

При помощи системы «пейзанатов» и кооперативов колонизаторы добиваются заметного роста поставок сельскохозяйственного сырья и полностью подчиняют монополистическим компаниям широкие слои крестьянства, часть которого сохраняла раньше некоторую самостоятельность в рамках полунатурального общинного хозяйства. В конце 1955 г. в Конго насчитывалось 55 производственных и торговых кооперативов, объединявших свыше 105 тыс. конголезцев. Обороты некоторых из этих кооперативов достигали десятков миллионов франков. Численность африканских крестьян в «пейзанатах» предполагается довести в 1960 г. до 500 тыс. человек. Можно предполагать, что в ближайшие годы новые формы более интенсивной эксплуатации конголезских крестьян в кооперативах и «пейзанатах» приобретут важное значение в сельскохозяйственной экономике Конго.

Беспощадной эксплуатации и угнетению подвергается молодой африканский пролетариат. Основная масса рабочих Конго — недавние крестьяне, которых привела в город безысходная нужда, постоянный голод, произвол администрации и родоплеменной верхушки. Многие из них поддерживают связь со своим племенем и селением. Набор рабочих на предприятия производится в сельских районах Конго и соседних колоний, как правило, путем контрактации, формально на срок от трех месяцев до трех лет. Активную помощь монополистическим компаниям в проведении контрактации оказывают представители администрации и вожди племен, получающие за это определенное вознаграждение.

Законtrakтованный не имеет права покинуть производство раньше истечения срока контракта без разрешения компании или предпринимателя. Если рабочий это сделает, он становится правонарушителем и его судят как «дезертира». В таких случаях полицейский трибунал обычно приговаривает его к тюремному заключению «за нарушение обязательства». Даже после окончания срока контракта многие рабочие, остающиеся должниками компаний, вынуждены продолжать работу. Часто они не в состоянии рассчитаться с долгами и превращаются в пожизненных рабов. Таким образом, контрактация представляет собой замаскированную форму принудительного труда.

Условия труда на предприятиях крайне тяжелые. Социальное законодательство практически отсутствует, и рабочий целиком зависит от произвола компаний и предпринимателей. Не существует никакой охраны труда. Рабочий день законом не ограничивается и, как правило, длится около 10—12 час. На вредных производствах, например в урано-радиевых рудниках Шинколобве, не принимаются элементарных мер для защиты здоровья трудящихся. Ежегодно большое число рабочих становится жертвами несчастных случаев на производстве. Пострадавшим выдается только небольшое единовременное пособие. Пенсий по инвалидности, болезни и старости до последнего времени не было. Рабочих, потерявших здоровье и силы, попросту выбрасывали на улицу, обрекая на голодную смерть.

С введением в 1957 г. в колонии системы пенсионного обеспечения положение фактически не изменилось. Право на пенсию предоставлено рабочим с 55-летнего возраста, имеющим 30 лет производственного стажа. Однако у подавляющего большинства конголезских рабочих, достиг-

ших установленного возраста, стаж работы по найму незначительны. Поэтому в течение многих лет право на пенсию будут иметь только единицы. За шесть месяцев во всей колонии было подано лишь около 6 тысяч прошений о пенсии⁴. К тому же пенсионный фонд создается за счет вычетов из заработной платы. Поэтому рабочие враждебно встретили это мероприятие колониальных властей. В частности, в связи с новыми вычетами из зарплаты в Элизабетвиле имели место волнения рабочих.

За свой изнурительный и подчас опасный труд рабочих в Конго платят мизерную заработную плату, которой не хватает для удовлетворения самых необходимых жизненных потребностей. Значительную часть заработной платы поглощают всевозможные штрафы и вычеты, широко практикуемые предпринимателями. Рабочие живут в нездоровых бытовых условиях, питаются впроголодь. Посетивший Конго помощник генерального секретаря Конфедерации христианских профсоюзов Бельгии Келерс заявил, что 60% африканцев Леопольдвилля страдают от голода. Между тем известно, что трудящиеся Леопольдвилля находятся в лучшем положении, чем рабочие большинства районов колонии. Келерс, которого трудно заподозрить в желании сгустить краски, весьма выразительно охарактеризовал повседневное существование леопольдвильцев: «Основная часть населения столицы недоедает... Подавляющее большинство чернокожих рабочих должно ежедневно пешком или на велосипеде покрывать от 10 до 20 км, чтобы достичь места работы. Они уходят в 5—6 час. утра, большей частью не поев, и едят первый раз только вечером, в 5 час. по возвращении домой. Их еда состоит обычно из маниоки и вяленой рыбы. Не удивительно, что в этих условиях большинство туземных рабочих физически не в состоянии дать хорошую производительность труда»⁵.

Уровень жизни африканского населения в Бельгийском Конго — один из самых низких в мире. Такое положение является прямым следствием колониального режима. По признанию ряда исследователей, конголезцы питаются сейчас гораздо хуже, чем до прихода европейцев. Внедрение сырьевых культур в сельское хозяйство коренного населения Конго производилось колонизаторами за счет продовольственных культур. Усиление капиталистической эксплуатации крестьян сопровождалось уменьшением производства продовольствия на душу населения. В результате колонизации аборигены Конго стали потреблять также меньше мяса, так как возможность охоты сильно сократилась, а скотоводство не получило достаточного развития. По потреблению мяса Конго занимает последнее место среди африканских стран, возможно, даже в мире: на одного жителя здесь приходится 0,5 кг мяса в год⁶. Индекс стоимости жизни возрос в 1958 г. по сравнению с довоенным временем (1935) более чем в три раза⁷.

Особенно тяжелы материальные условия жизни наемных рабочих. Для этой категории жителей колониальная администрация устанавливает периодически минимальный уровень заработной платы для различных районов страны. 1 января 1956 г. был установлен следующий минимум ежедневной заработной платы (в франках; см. табл. на стр. 79)⁸.

Подавляющее большинство рабочих в колонии получает минимальный заработок, который обычно устанавливается ниже прожиточного минимума и позволяет рабочим и их семьям вести лишь нищенское, полуголодное существование.

В конце 1950 г. 70% минимальных заработков в Конго не достигал даже предельно низкого прожиточного минимума, исчисляемого по нор-

⁴ Газ. «Le Soir», Bruxelles, 28 июня 1957 г., стр. 6.

⁵ Там же, 6 августа 1957 г., стр. 5.

⁶ «Atlas de la géographie alimentaire», Paris, 1954, стр. 26.

⁷ «L'écho du Katanga», Elisabethville, 4 июля 1958 г.

⁸ «XII национальный съезд Коммунистической партии Бельгии», М., 1956, стр. 209—210.

Главный город провинции	Зарботная плата		Квартирные	Надбавка на одежду	Общая сумма дневной зарплаты
	деньгами	натурой			
Леопольдвиль	14,70	12,00	3,50	0,30	30,50
Кокийавиль	8,30	8,30	2,00	0,58	19,18
Стэнливиль	11,85	9,91	2,64	0,64	24,86
Букаву	7,50	8,17	2,40	0,45	19,32
Элизабетвиль	11,50	11,44	3,00	0,45	26,39
Лулуабург	8,00	7,45	1,60	0,40	17,45

мам администрации. Более того, нередко предприниматели снижают зарплату ниже установленного властями минимального уровня. Известно, что во многих сельскохозяйственных районах наемные рабочие зарабатывают 2—5 франков в день. В некоторых районах рабочий может приобрести на всю свою дневную зарплату лишь 2,8 кг очищенной кукурузы или 3 кг сорго⁹.

Даже в Леопольдвиле, где заработная плата отличается наиболее высоким уровнем, большинство жителей не в состоянии обеспечить себе официального полуголодного прожиточного минимума. Значительная часть полочки уходит на непомерно высокую квартирную плату: одинокий человек платит до 150 франков в месяц за место для ночлега, небольшой семье жалкое жилище обходится не менее чем в 200 франков, а квартирная плата в новых домах администрации составляет 250—350 и более франков. Очень высоки цены на продовольствие: 1 кг маниоковой муки стоит 6 франков, хлеба — 11, мяса (дичь) — 40, сахара — 13, маргарина — 40, $\frac{3}{4}$ л пальмового масла — 9 и т. д.¹⁰ Но и по таким грабительским ценам эти продукты не всегда можно приобрести, так как в стране постоянно ощущается недостаток продовольствия. Этим пользуются перекупщики и спекулянты, поднимающие рыночные цены до совершенно недоступного для трудящихся уровня. Понятно, что у трудящихся в городах не хватает денег на самое необходимое.

До сих пор в Конго широко распространена так называемая «патерналистская система»: под лживым предлогом, будто африканцы неспособны сами регулировать свои расходы, предприниматели выдают рабочим часть заработка натурой, в виде продовольственного пайка и жилища. За недоброкачественные продукты питания и неблагоустроенные комнаты в бараках с рабочих вычитают втридорога. Такая система позволяет предпринимателям эксплуатировать трудящихся не только на производстве, но и как потребителей, в сфере обращения, и обеспечивает им дополнительные прибыли. О размерах этой дани в пользу капиталистов можно судить по тому факту, что в 1954 г. $\frac{1}{4}$ всех рабочих в провинции Леопольдвиль и $\frac{3}{4}$ рабочих Катанги получали содержание целиком или частично натурой¹¹.

Рабочий в Конго никогда не может быть уверен в завтрашнем дне, ему постоянно угрожает безработица. Предприниматели не только проводят массовые увольнения при неблагоприятной конъюнктуре, но и беспощадно выгоняют всякого заболевшего или ослабшего в результате жестокой эксплуатации и тяжелых условий жизни. Уволенный не может рассчитывать ни на какое пособие по безработице. Численность безработных в Бельгийском Конго сильно увеличивается. Так, в 1954 г. в некоторых районах 10% всех рабочих не имели работы¹². В Леопольдвиле в 1955 г. только учтенные безработные составляли 8 тыс. (на 2 тыс. чел.

⁹ «Les cahiers d'outre-mer», Bordeaux, 1952, № 17, стр. 26.

¹⁰ «XII Национальный съезд Коммунистической партии Бельгии», стр. 210—211.

¹¹ См. F. Bézu, Указ. раб., стр. 45.

¹² «Bulletin de l'Institut de recherches économiques et sociales», Bruxelles, 1956, № 3, стр. 389.

больше, чем в предыдущем году) ¹³. В Катанге в связи с экономическими трудностями, вызванными резким падением мировых цен на медь в 1957 г. число учтенных безработных за короткий срок возросло с 2 до 4 тыс., а которых 1,5 тыс. были единственными кормильцами больших семей.

Обострение кризисных явлений в ведущих странах капиталистического мира оказало пагубное влияние на экономику слаборазвитых стран и способствовало катастрофическому распространению безработицы. В Леопольдвиле 31 декабря 1957 г. насчитывалось около 7 тыс. безработных, ровно через шесть месяцев их стало около 16 тыс., а к концу года — 50 тыс. чел. С учетом членов семей безработных, около половины жителей столицы колонии осталось без средств существования. Из 16 тыс. безработных Леопольдвиле (на 30 июня 1958 г.) 31% не работали менее трех мес., 27% — от 3 до 6 мес., 19% — от 6 до 12 мес. и 23% — свыше года ¹⁴. В Элизабетвиле в середине 1958 г. было учтено свыше 7 тыс. безработных, в Стэнливиле — свыше 2 тыс. Безработица свирепствует также в других городах и промышленных центрах страны. Предприниматели используют безработицу для своей выгоды: располагая огромной резервной армией труда, они всемерно усиливают эксплуатацию рабочих.

Тяжелые условия жизни способствуют образованию и росту в городах прослойки деклассированного населения, живущего нищенством, воровством и проституцией. В Леопольдвиле в 1957 г. насчитывалось 5—6 тысяч женщин, живущих исключительно проституцией; многие замужние женщины и живущие с родителями подростки также вынуждены заниматься проституцией ¹⁵.

Наряду с общими для трудящихся всех капиталистических стран формами эксплуатации и угнетения, рабочие Конго подвергаются некоторым специфическим формам порабощения, среди которых расовая дискриминация является одной из самых тягостных. Расовая дискриминация, заложенная в самой природе колониального режима, пустила глубокие корни в Конго и до сих пор пронизывает все стороны социально-экономической жизни страны. В Конго, как и в других колониях, огромная масса африканского населения подвергается бесчеловечной эксплуатации и угнетению, влачит беспросветное и несправное существование. Конкретными носителями колониального рабства и главная опора колониальной системы — горстка европейцев, занимающих командные посты в экономической системе управления. Отношения между завоевателями-европейцами и местными коренными африканцами, сложившиеся в рамках колониальной системы, характеризуются в целом расовым гнетом и недоверием.

Идеология расизма, служащая «идейной основой» колониализма обосновывает правомерность и «разумность» колониальных порядков ссылок на неполноценность «туземцев» и их неспособность управлять собственными делами. Логическим следствием расизма является расовая дискриминация, используемая в качестве политического и экономического оружия в арсенале колонизаторов. Политическое назначение расовой дискриминации — служить одним из средств угнетения и подавления малейшего протеста колониальных народов. Экономическая сущность расовой дискриминации состоит в том, что она способствует усилению эксплуатации трудящихся масс до крайних пределов и выколачиванию колониальных сверхприбылей для империалистических монополий.

Трудящиеся-африканцы в Конго подвергаются расовой дискриминации в самых различных формах. Ярким показателем расового неравноправия является вопиющая несправедливость в распределении общественно-богатства и результатов общественного труда. На одном полюсе — европейские пришельцы, которым колониальная система позволяет присва-

¹³ «La situation économique du Congo Belge et du Ruanda-Urundi en 1955», Bruxelles, 1956, стр. 37.

¹⁴ «Courrier d'Afrique», Léopoldville, 4 сентября 1958 г.

¹⁵ Газ. «Le Peuple», Bruxelles, 31 декабря 1957 г., стр. 2.

вать огромные богатства, на другом — неимущая, нищая масса коренных обитателей страны. Среднегодовой доход конголезца — 2090 франков, европейца — 131 120 франков. Соотношение достаточно красноречивое — 1 : 64! ¹⁶.

Расовая дискриминация лежит в основе оплаты наемного труда. Достаточно сказать, что в 1954 г. фонд заработной платы 32 тыс. служащих-европейцев в Конго, в том числе уехавших в отпуск в Европу, составлял 10 070 млн франков, в то время как 1240 тыс. коренных жителей, работающих по найму, получили в этом году 10 960 млн франков. В среднем заработок у европейцев был больше, чем у африканцев, в 40 раз! Даже с учетом различий в уровне квалификации разница в оплате колоссальная. По свидетельству профессора-экономиста Ф. Бези, автора многих работ о Конго, в настоящее время, «особенно в столице и Верхней Катанге, имеются конголезцы, которые выполняют функции, осуществляемые в других местах европейцами с равной компетенцией, но за оплату, представляющую только половину или треть оплаты приезжих» ¹⁷. Например, речной лоцман-конголезец зарабатывает 3 тыс. франков, а лоцман-европеец — 12—15 тыс. франков.

Колониальные сверхприбыли и мизерная оплата труда африканцев позволяют монополиям подкупать европейский персонал повышенными окладами и вознаграждением с целью сделать всех европейцев соучастниками колониального грабежа и ревностными защитниками колониальной системы. Оплата европейцев одинаковой квалификации в колонии в 3—5 раз выше, чем в метрополии. По мнению Ф. Бези, европейский служащий в Конго — «один из наиболее высоко оплачиваемых в мире» ¹⁸.

Политическая дискриминация африканцев в Конго состоит в узурпации всей власти европейскими колонизаторами, лишении коренного населения элементарных политических прав и отстранении их от управления. Полный произвол колонизаторов приводит к тому, что африканцы живут в собственной стране на положении низшей, бесправной касты. Бельгийские колонизаторы поддерживают и укрепляют деспотическую форму правления, они упорно противятся введению конституционных институтов и предоставлению избирательных прав африканскому населению. Конголезцы лишены всякой возможности влиять на решение государственных вопросов легальным путем.

Вся полнота власти в колонии сосредоточена в руках бельгийского генерал-губернатора. Имеющиеся чисто консультативные представительные органы — правительственный совет при генерал-губернаторе и провинциальные советы при губернаторах провинций — оказывают ничтожное влияние на дела управления. Эти органы в Конго несомненно имеют даже еще менее реальное значение, чем соответствующие учреждения в английских и французских колониях. Представительство коренных жителей минимальное. Например, в правительственном совете Конго среди множества высших колониальных чиновников и представителей от различных групп европейцев имеется лишь восемь представителей-конголезцев, которые к тому же не выбираются населением, а назначаются генерал-губернатором. Правительственный совет собирается обычно раз в год. Его полномочия ограничиваются обсуждением бюджетных предложений и лишь тех вопросов, которые сочтет нужным поставить генерал-губернатор ¹⁹.

Система «цветного барьера» в Конго не позволяет местным жителям занимать высоко оплачиваемые и требующие квалифицированного труда должности, а также получать образование по ряду специальностей. Аф-

¹⁶ Газ. «Le Drapeau rouge», Bruxelles, 18 июля 1958 г.

¹⁷ Журн. «Zaïre», Louvain, 1958, № 2, стр. 120.

¹⁸ Там же, стр. 117.

¹⁹ «Encyclopédie du Congo Belge», т. III, Bruxelles, 1950, стр. 531—532.

риканец не имеет права свободно передвигаться по земле своей родины, не получив специального пропуска от властей; ему не разрешается оставаться после установленного часа в пределах «белого города» (благородная часть в городах, заселенная европейцами). Для африканцев отведены специальные вагоны в поездах и места в автобусах, отделенная особая часть в магазинах, на почте, в церквях и т. д.

Расовая дискриминация в области народного образования и здравоохранения препятствует повсеместному распространению просвещения современной культуры, влечет за собой усиление заболеваемости и смертности коренного населения.

В своей стране африканец живет в атмосфере ненависти и презрения: по всякому поводу его могут оскорбить, унижить, избить и подвергнуть аресту. О нравах касты «белых господ» свидетельствует откровенно высказывание известного миссионера Ван Винга: «Успех бельгийской политики был бы обеспечен, если бы 90% белого населения удалось избавиться от своего комплекса превосходства, основанного на глупой расовом предрассудке»²⁰.

До сих пор для африканцев существуют телесные наказания, немногим из них удается избежать тюремного заключения. Например, в провинции Леопольдвиль в 1948 г. только полицейскими трибуналами осуждены 104 451 чел., т. е. около 4% населения провинции²¹. Администрация по своему усмотрению может в любой момент выслать неугодного ей человека или подвергнуть его административному заключению (без суда и следствия) на срок до месяца. Ссыльных отправляют в самые вредные по климату районы, где большинство из них гибнет от болезней и истощения. Смертная казнь применяется в Конго только к африканцам.

В Конго и в других африканских странах поныне живут различные проявления принудительного труда — позорного пережитка рабства. Наибольшее значение имеет широко распространенная система обязательных работ. Местной администрации разрешено использовать в течение 60 дней в году труд каждого здорового мужчины, не работающего на европейца. Даровой труд африканцев используют для выращивания сырьевых и продовольственных культур, строительства и ремонта дорог, тюрем и т. д. В условиях полной бесконтрольности представители администрации нередко заставляют африканцев работать без всякой оплаты в течение полугода и больше. Кроме того, администрация и компании широко используют такие разновидности принудительного труда, как контракция рабочей силы, применение труда заключенных и др.

Коренное население Конго страдает не только от всесторонней изощренной эксплуатации и жестокого произвола, но также от невежества, бескультурья и повсеместно свирепствующих тяжелых заболеваний. Идеинные оруженосцы колонизаторов часто рекламируют «цивилизаторскую миссию» Бельгии в своей колонии. В действительности, к осуществленным в Конго минимальным мероприятиям социального характера полностью применима формула известного апологета колониализма Альбера Сарро: они вызывались только «необходимостью сохранять и увеличивать человеческий капитал для того, чтобы мог действовать и давать плоды денежный капитал»²².

Система народного образования в колонии подчинена прежде всего задаче воспитания подрастающего поколения африканцев в духе рабской покорности колонизаторам. Эту задачу с достаточной выразительностью сформулировал советник колониальной администрации Макс Хорн, ко-

²⁰ «Académie royale des sciences coloniales, Bulletin des séances», Bruxelles, 1951, № 3, стр. 549.

²¹ Журн. «Communisme», Bruxelles, 1951, № 7, стр. 44.

²² Журн. «Economie et politique», Paris, июль 1957 г., № 36, стр. 16

торый заявил на 6-й сессии колониального конгресса: «Прежде всего необходимо вдолбить основные принципы христианской морали, начиная с десяти заповедей. Нельзя забывать, что они предписывают уважение к чужой собственности. Коммунистические лозунги не замедлят распространиться среди народных масс Конго. Ради сохранения социального мира предупредим это, разъясняя достоинства частного предпринимательства и услуги, оказываемые капиталистом обществу. Туземцы должны понимать, что белые не забрали принадлежащих им земель и естественных богатств, а поставили на службу великому благу»²³. В этом высказывании махрового колониалиста выразилось стремление при помощи лжи и демагогии заглушить протест конголезцев против невыносимых условий существования.

Ведущую роль в отравлении сознания широких масс африканского населения, особенно детей и молодежи, играют многочисленные религиозные миссии. До 1946 г. вся система образования в колонии находилась в монопольном ведении этих миссий. На 31 декабря 1956 г. в Конго имелось 93 школы для европейцев и 26 535 школ для африканцев. Большинство из них остается под управлением миссионеров, имеются также государственные школы и частные светские школы, принадлежащие большей частью крупным капиталистическим компаниям.

Вся система образования в Конго проникнута духом расизма. Запрет учиться вместе с детьми белых распространяется не только на негров, но и на мулатов, индийцев и других так называемых цветных. В докладе миссии бельгийского сената, посетившей Конго, говорилось: «Вплоть до настоящего времени вопрос о допуске мулатов, даже признанных белыми отцами, в учебные заведения для белых детей оставлен на усмотрение школьных руководителей... Индийцев, как нам сказали, не принимают ни в духовные, ни в светские школы в силу решения генерал-губернатора». В другом месте того же доклада сказано: «Возникает впечатление, что государство не сделало ничего для образования туземцев»²⁴.

На нужды народного образования отпускаются ничтожные средства. Например, по бюджету 1957 г. на просвещение для почти 13-миллионного африканского населения выделено 1420 млн франков, тогда как в метрополии — стране с 9-миллионным населением — на просвещение затрачено 9956 млн франков. Таким образом, в среднем затраты на образование на одного бельгийца в 10 с лишним раз превышают затраты на конголезца. Расходы на просвещение составляют незначительную часть кредитов по 10-летней программе «экономического и социального развития» — менее 4%. В среднем на каждый год приходится 180 млн франков на образование для детей африканцев и свыше 100 млн франков на образование для детей европейцев. Если учесть, что в европейских школах обучалось в конце 1956 г. около 21 тыс. учеников, а в африканских школах — 1283 тыс. учеников, то нетрудно представить себе это издевательское и несправедливое распределение средств.

Значительная часть кредитов на народное образование поступает в распоряжение религиозных миссий, которые имеют все возможности урезывать в своих интересах и без того скудные ассигнования. Кроме того, миссионеры, владеющие обширными плантациями, скотоводческими фермами и разнообразными предприятиями, часто вынуждают учащихся и их семьи дополнительно оплачивать обучение, выполняя определенные работы или поставляя сельскохозяйственные продукты и сырье.

Все дети европейцев, проживающие в Конго, учатся в школе, где получают полноценное образование. В ином положении дети африканцев. Из четырех детей школьного возраста только один имеет возможность посещать школу, причем подавляющее большинство учащихся приходит-

²³ «Communisme», ноябрь 1952, № 3, стр. 40.

²⁴ Там же, стр. 43.

ся на двухгодичные начальные школы. Небольшая часть их заканчивает шестиклассную неполную среднюю школу, и лишь единицам удается получить образование в объеме полной средней школы. Конголезские женщины почти полностью лишены возможности приобщиться к образованию: среди общего числа детей, посещающих начальную школу девочек всего лишь около 4%.

В начальных классах преподавание сводится к самому примитивному «приобщению» к религии, имеющему целью увеличить число «верующих» и усилить власть церкви. Уровень подготовки преподавателей, как правило, чрезвычайно низкий. Проповедники и пасторы имеют право преподавания независимо от наличия у них соответствующего образования. Для преподавания в школах профессионального обучения требуется лишь владение необходимыми навыками. Во многих сельских школах работают люди, не имеющие дипломов, но признанные «пригодными» для этой деятельности. На всю страну имеется лишь два десятка школьных инспекторов, которые совершенно не в состоянии справиться с возложенной на них задачей систематического наблюдения за школами. Это мешает их перегруженность административной работой, огромные расстояния и т. д.

Школы обычно ютятся в совершенно не приспособленных для учебных занятий помещениях. Большинство из них находится в жалких хижинах с отверстиями вместо дверей и окон, нередко в сараях или под навесами. Лиственная крыша не спасает от ветра и дождя. Школьники сидят на листьях, заменяющих скамьи. Пишут они обычно на классных и грифельных досках. Тетради, ручки и карандаши им почти не ведомы. Школьный инвентарь практически отсутствует.

Согласно официальным программам, учащийся по выходе из начальной школы должен уметь считать, читать и писать на местном языке. Совершенно недостаточная подготовленность преподавательского состава и отсутствие учебных пособий превращают обучение в видимость. Часто преподавание ведется на языке, не знакомом большинству учеников. От всего обучения в их памяти остается набор примитивных сведений и несколько выдержек из катехизиса или священного писания, зубрежка которых уделяется наибольшее внимание. Особенно большое значение придается в школьных программах так называемому гражданскому воспитанию, т. е. культивированию в учениках рабской покорности перед европейскими колонизаторами. «Преподаватель,— говорится в программе,— должен делать упор на следующие моменты: социальная полезность обязательств, возлагаемых на туземца; причины, обязывающие уважать установленную власть; материальные и моральные преимущества, связанные с уважением законов; справедливость наказаний».

Покинув школу, молодые африканцы быстро утрачивают убогий запас полученных «знаний». Большинству из них никогда не приходится видеть газет, журналов и книг, поскольку ни администрация, ни миссионеры, ни предприниматели не заинтересованы в их распространении. На огромной территории Конго для африканцев насчитывается всего около двух сотен библиотек, общий фонд которых составляет не более 90 тыс. книг, а численность абонентов — 6 тыс. чел. К услугам же европейцев в колонии три десятка библиотек с фондом 190 тыс. книг и числом читателей в 4 тыс. человек. Если для европейцев в Конго издается 76 газет и журналов, то для африканцев — 63, из которых около трети на французском языке, остальные на местных языках²⁵.

В 1957/58 г. из 1375 тыс. учащихся 1338 тыс. (более 97%) приходилось на начальные школы и лишь 10,8 тыс. — на средние. Основное внимание в средних школах уделяется преподаванию «закона божьего» и латыни. По математике и естественным наукам, на которые отводятся

²⁵ «Zaire», 1954, № 9, стр. 927.

небольшая часть учебных часов, даются жалкие крохи знаний. Программа по истории ограничивается в основном древним миром, жизнью Христа, историей церкви, крестовых походов, религиозных орденов и т. п.

Техническое и профессиональное образование получило в Конго ничтожное развитие, соответствующее минимальным потребностям частнокапиталистических компаний в квалифицированной рабочей силе. В 1957 г. в технических и сельскохозяйственных школах обучалось всего около 20 тыс. чел.²⁶ Крупные промышленные компании имеют собственные общеобразовательные и технические школы, в которых готовят кадры для своих предприятий. В школах компаний, как правило, преподавание носит более прикладной характер и стоит на более высоком уровне, чем в миссионерских школах, расположенных большей частью в сельскохозяйственных районах.

До последнего времени в Конго не было ни одного местного жителя с высшим образованием. В 1954 г. открылся католический университет «Лованиум» в Леопольдвиле, в 1956 г. — государственный университет Бельгийского Конго и Руанда-Урунди в Элизабетвиле. В 1957/58 учебном году в университете Леопольдвиле обучалось 169 студентов, в том числе 111 африканцев, в университете Элизабетвиле — 117 студентов, из которых только 15 африканцев²⁷.

Плачевное состояние системы народного образования — один из закономерных итогов многолетнего господства бельгийских колонизаторов. В условиях колониального режима невозможно приобщение широких масс угнетенного населения к современной культуре. Справедливость такого вывода подтверждается следующей установкой официальной учебной программы для Конго: «Лучше согласиться на ограничение числа будущих избранников общества, чем дать возможность большому количеству молодых людей получить диплом, которым они не сумеют воспользоваться и превратятся из-за этого в деклассированных и недовольных людей»²⁸. Колонизаторы, лицемерно выдающие себя за «просветителей», стараются всеми средствами заглушить в народе интерес к современным событиям, помешать развитию в нем национального самосознания, подорвать стремление к борьбе за свои элементарные права. Только в условиях подлинной независимости просвещение и культура могут стать могущественными средствами материального и духовного подъема африканских народов.

Другим пагубным итогом колониального режима является катастрофическое состояние здоровья коренных жителей Конго. Хроническое недоедание, пониженная сопротивляемость организма и отсутствие эффективной медицинской помощи способствовали широкому распространению тяжелых заболеваний и огромной смертности местного населения. Колонизация, вызвавшая массовые перемещения людей, привела к повсеместному распространению таких тяжелых эндемических заболеваний, как малярия, сонная болезнь и др. Кроме того, колонизаторы занесли в Центральную Африку ряд болезней, которые до их прихода были здесь совершенно не известны. Среди этих болезней, которые вызвали колоссальные опустошения коренного населения, особенно пагубны венерические заболевания и туберкулез.

Венерическими болезнями, которые «значительно прогрессируют в Конго из года в год»²⁹, страдает в некоторых провинциях 70—80% населения, в том числе дети. Миссионер Ван Винг сообщает о посещении им школ, в которых 60% учеников были заражены венерическими болез-

²⁶ «Bulletin mensuel de la Banque du Congo Belge», Bruxelles, сентябрь 1958 г., стр. 253.

²⁷ «Zaire», 1958, № 2, стр. 140.

²⁸ «Communisme», ноябрь 1952, № 3, стр. 48.

²⁹ A. Doucy, P. Feldheim, Travailleurs indigènes et productivité du travail au Congo Belge, Bruxelles, 1958, стр. 107.

ниями. Туберкулез стал подлинным бичом африканских трудящихся. Даже среди тех туберкулезных больных, которым оказывается медицинская помощь, смертность превышает 20%. В отдельных районах свирепствует проказа, которой страдает 5—10% всего населения. Бич многих районов — малярия поражает местами от 60 до 90% жителей, 85% детей до трех лет больны малярией. Африканское население страдает также от разнообразных болезней, вызываемых недоеданием и авитаминозом, особенно от пеллагры. Большие опустошения среди людей причиняют многочисленные желудочно-кишечные заболевания, в частности дизентерия. Особенно катастрофическая смертность отмечается среди детей. Главная причина заболеваний и смертности детей — недостаточное и неполноценное питание. Среди многих групп коренного населения смертность намного превышает рождаемость: до 40% детей погибает в грудном возрасте и свыше 60% в возрасте до 15 лет. На пути к вымиранию находится двухмиллионная этническая группа монго в Экваториальной провинции и много других племен и групп в различных районах страны.

Медицинское обслуживание в Конго ничтожно по сравнению с потребностями. За несколько десятилетий колониального господства Бельгии в Конго из среды африканцев не вышло ни одного врача, хотя в стране ощущается особенно острая нехватка квалифицированных медицинских кадров. По официальным данным, на одного врача в Конго приходится в среднем свыше 20 тыс. жителей, тогда как во всей Африке на врача приходится 9 тыс. жителей, в Юго-Восточной Азии — 6,5 тыс., в Латинской Америке — 2,5 тыс., в Европе и Северной Америке — около 900 жителей³⁰. В действительности на одного врача в колонии приходится гораздо больше коренных жителей, так как многие врачи заняты обслуживанием европейского населения и одна шестая часть их постоянно находится в отпуске в Европе.

По свидетельству А. Дуси и П. Фельдгейма, «целые территории остаются без врача, без достаточного санитарного персонала; в районе НГТир площадью свыше 17 тыс. км², населенном 45 тыс. туземцев, имеется всего два диспансера — в Бомонго и в Новом Антверпене, каждый из которых управляется санитаром, а также маленькая передвижная больница в Бомбома, обслуживаемая теоретически одним врачом... Районы пустеют: многие туземцы умирают из-за отсутствия самого элементарного ухода, детская смертность и преждевременные роды достигают катастрофических размеров... Мы уже не говорим о территориях на северо-востоке Восточной провинции и о некоторых районах в провинции Киву, где положение аналогичное...»³¹.

Медицинские учреждения, обслуживающие коренных жителей, ютясь в непригодных помещениях, испытывают недостаток в самом элементарном оборудовании и медикаментах. На нужды здравоохранения выделяются ничтожные средства, которые крайне несправедливо распределяются между африканским населением и европейским меньшинством. Достаточно сказать, что по 10-летней программе «экономического и социального развития» на строительство новых и оборудование старых больниц выделено для европейцев 121 млн франков, для африканцев 98 млн франков³².

В условиях колониального режима немыслимо коренное улучшение положения в области здравоохранения. В лучшем случае колонизаторы способны провести лишь частичные мероприятия, чтобы предотвратить сокращение необходимой им рабочей силы или ввести в заблуждение демократическую общественность. Только добившись независимости, а

³⁰ «Rapport sur la situation sociale dans le monde», О. Н. У., New York, 1957, стр. 4.

³¹ А. Doucy, P. Feldheim, Указ. раб., стр. 109—110.

³² «Communisme», сентябрь 1951 г., № 8, стр. 55.

риканский народ сможет улучшить свое материальное положение и развернуть широкое наступление на смертоносные болезни. Поэтому борьба за национальное освобождение является одновременно борьбой за возрождение, за жизнь и здоровье многомиллионного коренного населения страны.

Беспросветно тяжелое, бедственное положение коренных жителей Конго в результате нескольких десятилетий господства иностранных империалистов убедительно свидетельствует, что в условиях колониального режима африканское население не может надеяться на существенное улучшение своей участи. Эту истину начинают отчетливо сознавать широкие массы народа Конго, которые все активнее поднимаются на борьбу за свои иогранные человеческие права, за лучшую жизнь, за национальную независимость.

* * *

В Бельгийском Конго усиливается протест народных масс против ненавистного колониального режима, стремление как можно скорее обрести независимость. Подъем национально-освободительного движения в Конго выражается в многочисленных боевых выступлениях трудящихся в защиту своих прав, а также в создании политических организаций и профсоюзов, развернувших борьбу за улучшение экономического положения конголезских трудящихся, за демократизацию системы управления и за достижение национальной независимости. Усиливающаяся оппозиция колониальным порядкам внутри страны сливается с широкой кампанией мировой демократической общественности за полную ликвидацию колониализма. Империалисты, которые ставят превыше всего свои прибыли и привилегии, отказываются удовлетворить законные требования народных масс Конго и используют все средства, чтобы продлить, насколько возможно, существование колониального режима. Чувствуя растущую угрозу своим позициям в Конго, колонизаторы не останавливаются ни перед какой провокацией с целью расколоть и обезглавить национально-освободительное движение, подавить протест африканского населения.

К началу 1959 г. в результате провокационной политики бельгийских колонизаторов, а также под влиянием экономического кризиса, вызвавшего резкое ухудшение и без того невыносимо тяжелых условий жизни коренного населения, в Конго сложилась крайне напряженная обстановка. Достаточно было искры, чтобы вызвать взрыв. Такой искрой послужила провокация полиции, открывшей огонь по участникам мирной демонстрации в Леопольдвиле. Годами копившееся возмущение африканцев прорвалось наружу: улицы Леопольдвилля заполнили негодующие жители «туземного города», который колонизаторы с давних пор считают «пороховым погребом». Произошли столкновения с полицией и войсками. При помощи современного оружия каратели зверски расправились с народом. В результате кровавых событий в Леопольдвиле и ряде других пунктов Конго ранено, искалечено и убито много африканцев, нанесен большой материальный ущерб, тюрьмы заполнены арестованными. Колонизаторы использовали эти события для развертывания жестоких репрессий по всей стране, запрета и преследований ведущих организаций национально-освободительного движения, ареста их лидеров и активистов. Одновременно колонизаторы предприняли ряд маневров, направленных на раскол и ослабление сил национально-освободительного движения.

13 января в обстановке разгула колониальных репрессий была обнародована декларация бельгийского правительства о Конго, в которой излагалась программа половинчатых и ограниченных реформ. Народу Конго в результате длительной и напряженной борьбы удалось вырвать у своих

угнетателей обещание провести всеобщие выборы в местные органы власти, демократизировать систему управления, предоставить африканскому населению демократические свободы, улучшить условия его жизни, полностью ликвидировать расовую дискриминацию, а также предоставить Конго независимость. Совершенно очевидно стремление колонизаторов использовать декларацию 13 января, чтобы ослабить национально-освободительное движение и отвлечь народные массы от борьбы за свои права. Весьма характерно, что в декларации даже не установлен срок предоставления Конго независимости. Ультра-колониалисты, хозяйничающие в Конго, не скрывают намерения свести на нет обещанные реформы и любой ценой сохранить свое господство.

Наступление реакции в Конго натолкнулось на непоколебимую решимость народных масс добиться осуществления своих справедливых требований. С другой стороны, преступления бельгийских колонизаторов в Конго вызвали негодование демократической общественности во всем мире. Мощное движение в поддержку борющегося народа Конго развернулось во многих странах, в том числе и метрополии, где его возглавила коммунистическая партия Бельгии. Солидарность трудящихся различных стран оказала в этот трудный период большую моральную поддержку народу Конго. Планы колонизаторов изолировать национально-освободительное движение в Конго и задушить его потерпели неудачу. На террор и провокации конголезский народ ответил сплочением своих сил.

Большим событием в политической жизни Конго явился конгресс африканских партий и организаций, состоявшийся в апреле 1959 г. в Лулуабурге. Конгресс принял резолюции с требованиями формирования конголезского правительства в начале 1961 г., немедленного привлечения африканцев к делам управления, создания условий для свободной деятельности конголезских партий и организаций по всей стране. В специальной резолюции подтверждается принцип единства народов Конго и выносятся решение о срочном создании лингвистической комиссии, имеющей целью заложить основы единого конголезского языка³³.

Кровавые события в январе 1959 г. в Конго — показатель кризиса колониальной системы бельгийского империализма. Совершенно ясно, что варварства колонизаторов не в состоянии сломить народ, поднявшийся на борьбу за свои законные права. Террористическая политика империалистов Бельгии не только не устраняет причин, способствующих развитию национально-освободительного движения, но создает предпосылки для нового, еще более мощного подъема народной борьбы. Народ Конго полон решимости добиться независимости и стать хозяином своей страны.

---

³³ «Marchés tropicaux et méditerranéens», Paris, 18 апреля 1959, № 701, стр. 1068